

С Т Е Н О Г Р А М М А

парламентских слушаний на тему "Уголовная ответственность юридических лиц: международный опыт, перспективы введения в законодательство Российской Федерации"

23 июня 2015 года

А.И. ШИРОКОВ

Уважаемые коллеги, начинаем нашу работу. Сегодня мы проводим парламентские слушания на тему "Уголовная ответственность юридических лиц: международный опыт, перспективы введения в законодательство Российской Федерации". Организованы они Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.

Для работы в наших сегодняшних парламентских слушаниях мы пригласили членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, представителей Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Министерства внутренних дел, Следственного комитета, Министерства юстиции, Генеральной прокуратуры, Общественной палаты Российской Федерации, организаций науки, адвокатов, представителей общественных организаций.

Необходимость нашего сегодняшнего совместного обсуждения вызвана тем, что в настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе находится проект федерального закона, предлагающий ввести институт уголовной ответственности

юридических лиц. В качестве обоснования необходимости введения такого института приводятся следующие доводы.

Первый — необходимость создания эффективного механизма противодействия преступности юридических лиц, под которой понимается совокупность преступлений, совершенных в интересах юридических лиц либо с использованием финансовых и иных возможностей юридических лиц.

Второй — необходимость приведения законодательства Российской Федерации в соответствие с международными стандартами в области противодействия транснациональным преступлениям, обязанность соблюдения которых предусмотрена рядом международных правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией.

Третий — необходимость создания правовых условий для экстерриториального уголовного преследования находящихся за рубежом международных организаций и иностранных юридических лиц за преступления, посягающие на интересы, охраняемые уголовным законодательством Российской Федерации.

Четвертый — введение уголовной ответственности юридических лиц позволит принять все необходимые меры ответственности в рамках уголовного дела, избежать возбуждения двух производств — уголовного и административного, то есть позволит более рационально расходовать силы и средства государства.

Для Российской Федерации введение данного института — достаточно серьезный шаг, который должен быть основательно взвешен и продуман. Поэтому можно говорить о том, что среди участников современной нам дискуссии об уголовной ответственности юридических лиц нет единодушия по таким

ключевым вопросам, как, например, основание привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. Нет однозначного ответа на вопрос, насколько понятия уголовно-правовой дееспособности, виновности и наказуемости могут быть применены к юридическим лицам. Дискуссионность такой правовой категории, как ответственность юридического лица, вытекает из его сущности, что проявляется в отсутствии у него психического отношения к совершаемым им деяниям.

Кроме того, необходимо определиться, какой вид уголовной ответственности мы можем ввести в Российской Федерации. Здесь есть две группы примеров: первая — непосредственно уголовная ответственность юридических лиц, которая предусмотрена законодательствами Австралии, Англии, Бельгии, Венгрии, Дании, Израиля и других стран; вторая — квазиуголовная ответственность юридических лиц. Некоторые страны, такие как Австрия, Албания, Испания, Латвия, Мексика, Перу, в вопросе об ответственности корпораций за уголовные правонарушения пошли по промежуточному своеобразному пути, при котором юридическое лицо формально не признается субъектом преступления, но к нему тем не менее могут применяться различные уголовные санкции. Эти санкции по своей сути носят скорее уголовно-процессуальный характер. Чаще всего речь идет о применении в отношении юридического лица специальной конфискации. Таким образом, ответственность юридического лица в данном случае выступает с точки зрения российского права скорее уголовно-процессуальным, нежели уголовно-правовым институтом.

Еще одним дискуссионным моментом является определение видов юридических лиц — субъектов уголовной ответственности. Законодательства разных стран неодинаково определяют круг

юридических лиц, которые могут быть субъектами уголовной либо квазиуголовной ответственности, — коммерческие, некоммерческие, частные и даже публичные.

Кроме того, необходимо определить особенности наказаний, применяемых к юридическим лицам. Одна из очевидных особенностей уголовной ответственности юридических лиц по сравнению с физическими лицами — неприменимость к первым некоторых видов наказания, таких как лишение свободы, исправительные работы.

В любом случае введение уголовной ответственности юридических лиц подразумевает комплексное изменение законодательства, можно даже сказать, реформирование. Механическое вписывание статей в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс не создаст полноценного института, здесь требуется серьезное внимание и к административному праву в целом.

Такой общей характеристикой, коллеги, я хотел бы предварить нашу сегодняшнюю дискуссию и предлагаю эту дискуссию незамедлительно начать.

Предоставляю слово Георгию Константиновичу Смирнову, старшему инспектору Главного организационно-инспекторского управления Следственного комитета Российской Федерации.

Прошу Вас.

Г.К. СМИРНОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! В принципе говорить на эту тему можно много, поэтому я постараюсь сконцентрировать свое внимание на вопросах, которые являются наиболее дискуссионными в условиях современных правовых подходов. Давайте пойдем, наверное, от общего к частному и рассмотрим для начала международно-правовой аспект этой проблемы.

Действительно, подавляющее большинство конвенций предусматривает альтернативное обязательство для введения уголовной ответственности юридических лиц. Там сказано, что вводится уголовная ответственность, однако с учетом особенностей национальной правовой системы возможно введение и других адекватных мер правового воздействия. Лишь одна конвенция (по-моему, о подкупе иностранных должностных лиц) предусматривает прямое введение именно уголовной ответственности юридических лиц.

Здесь следует учесть следующие аспекты зарубежного административного законодательства. Кстати говоря, в двух странах (в Германии и в Италии) существует административная ответственность юридических лиц за причастность, по сути, к деяниям, которые образуют преступность для физических лиц. Однако специфика административного права в Италии и в Германии заключается в том, что это право является неотъемлемой подотраслью уголовного права (так называемые уголовно-правовые деликты). И, соответственно, процесс привлечения к административной ответственности у них унифицирован, то есть он регулируется едиными уголовно-процессуальными законами.

Для чего это сделано? Для того чтобы привлечение лиц, как физических, так и юридических, к административной ответственности полностью соответствовало стандартам защиты прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве, то есть у них единый уголовно-процессуальный кодекс.

В Российской Федерации традиционно, еще с советского периода, сложилось так, что административное право является самостоятельной отраслью права, в рамках которой существует свой процессуальный порядок, режим привлечения к административной

ответственности. Традиционная доктрина предполагает, что административное право, будучи, как и уголовное, частью так называемого публичного права, публичной ответственности, предусматривает ответственность за совершение менее социально опасных деяний и, соответственно, такой громоздкой процедуры привлечения лица к ответственности не требуется.

Какие отсюда вытекают последствия? Действительно, в Российской Федерации установлена административная ответственность за причастность юридических лиц к отдельным преступлениям, к отдельным деяниям, которые для физического лица предусматриваются в качестве преступных.

Однако международная судебная система, да и в целом правоохранительная, не признает эту ответственность по следующим причинам. Если мы, к примеру, возьмем то же решение Европейского суда по правам человека ("ЮКОС" против Российской Федерации), то там сказано, что по жесткости примененной к компании меры ответственности (а это штраф без верхних пределов, неограниченный штраф, кратный сумме недоимки) это наказание идентифицируется как уголовно-правовое. Однако процедура привлечения компании к ответственности, по сути, уголовной, применение к ней уголовного наказания не соответствует стандартам защиты прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве. Как известно, в административном процессе и в нашем налоговом, который по своей природе является тоже административным, отсутствует состязательность, и, соответственно, Европейский суд приходит к выводу о том, что было нарушено право компании на защиту. Он приводит ряд нарушений (не будем вдаваться), в частности как раз таки и принципа состязательности.

Вы, конечно, можете сказать, что процесс этот политизирован, но в принципе это решение было принято на основании так называемого судебного прецедента, а в Европейском суде по правам человека действует в том числе прецедентное право, то есть источником права является не только сама конвенция, но и, соответственно, вынесенные ранее этим судом судебные решения. И, кстати говоря, этот прецедент сформировался задолго до того, как возникли известные последние геополитические события, в контексте которых, здесь можно согласиться, ЕСПЧ принимает политически мотивированные решения. Поэтому этот прецедент будет применяться и далее. Штрафы применительно к юридическим лицам, назначаемые Российской Федерации в связи с нарушением прав на защиту, будут на основании этих прецедентов назначаться и далее. Более того, правоохранные системы большинства стран в развитие как раз таки позиции Европейской суда по правам человека не предусматривают того, что наша правовая система содержит наказания для юридических лиц за отдельные преступления.

Как известно, основополагающим принципом международно-правового сотрудничества является взаимность. Это означает, что, чтобы то государство, в которое направлен запрос, осуществило правовую помощь в рамках этого запроса, необходимо, чтобы деяние (причем по всем признакам, по всем элементам состава преступления) влекло уголовную ответственность как в стране — инициаторе запроса, так и в стране — исполнителе запроса. И получается, что по отдельным делам возникает такое правовое основание, что те государства отказывают в преследовании юридических лиц. А, как правило, подавляющее большинство коррупционных преступлений, преступлений экономического

характера совершается именно с выводением денежных средств, с использованием баланса или счетов именно юридических лиц.

Есть прецеденты (я сейчас не буду их называть), когда французская сторона и ряд других отказывали именно на основании этого — того, что "в соответствии с законодательством Российской Федерации деяние по признакам субъекта преступления у вас не криминализировано, не влечет уголовной ответственности". Поэтому это необходимо в том числе, как здесь уже было сказано, для экстерриториального уголовного преследования зарубежных юридических лиц, причастных к совершению преступлений против интересов Российской Федерации, чтобы было можно как раз таки направлять соответствующие запросы о международно-правовой помощи.

Теперь рассмотрим внутренний аспект целесообразности введения этого института.

Во-первых, это позволит повысить превентивную силу закона, потому что в настоящее время все бремя уголовно-правового воздействия в полном объеме фактически возлагается на физическое лицо. А в этой ситуации юридическое лицо, по сути, не заинтересовано в соблюдении закона, и в лучшем случае оно... Да, предусмотрена административная ответственность, предусмотрено возмещение вреда, но в данном случае этот институт административной ответственности не работает по ряду объективных причин.

Во-первых, невозможно осуществление оперативно-розыскной деятельности по делам об административных правонарушениях. И, кстати говоря, этот вопрос непреодолим, исходя из существующей доктрины понимания сущности административного права. Даже Конституционный Суд, давая конституционно-правовое толкование

оперативно-розыскной деятельности, говорил о том, что ее осуществление в рамках административного судопроизводства не соответствует Конституции в той части, в какой она предусматривает так называемый принцип соразмерности ограничения прав и свобод человека. Это означает, что если исходить из традиционной доктрины о том, что административные правонарушения представляют собой менее социально опасные явления, чем преступления, то и осуществление государством такой деятельности, как оперативно-розыскная, которая наиболее жестко ограничивает права и свободы человека, недопустимо. Кстати говоря, ряд оперативно-розыскных мероприятий именно на основании этого конституционного принципа — соразмерности ограничения прав и свобод — недопустимо осуществлять применительно к отдельным видам преступлений небольшой и средней тяжести.

Следующий момент (здесь о нем тоже говорилось) — это рационализация процесса расходования денежных средств на отправление правосудия. Ведь, по сути, получается, что деяние, совершенное физическим лицом от имени юридического лица... по факту одного и того же деяния, одного и того же действия иницируются два параллельных процесса — уголовный и административный.

Причем как эти процессы разрешаются на практике? Возьмем статью 19.28 КоАП "Незаконное вознаграждение от имени юридического лица". Как правило, прокурор дожидается приговора суда, потому что в рамках административного судопроизводства, как уже было сказано, нельзя осуществлять оперативно-розыскную деятельность. А как доказать факт дачи, получения взятки, если не осуществить оперативное документирование этих действий? И вот прокурор дожидается приговора и использует его для

инициирования нового процесса привлечения организации к административной ответственности. Ну что это, как не дополнительное, нерациональное расходование бюджетных средств, когда в рамках одного уголовного процесса следователь может установить все?.. Он в принципе в данном случае и так устанавливает все признаки объективной стороны, объекта преступления, отчасти вины, ему надо будет только дополнительно установить признаки субъекта преступления, то есть запросить данные из ЕГРЮЛ о юридическом лице. Поэтому это как раз таки разгрузит и органы прокуратуры, и органы суда от ненужной работы по параллельному процессу по факту одного и того же деяния.

Ну и, наконец, тоже очень важный вопрос, который ставится в укор введению уголовной ответственности юридических лиц: почему должны страдать сотрудники и учредители организации? Давайте начнем с того, что сотрудники в любом случае не будут страдать, потому что законодательством (той же статьей 855 Гражданского кодекса) предусматривается очередность погашения задолженности перед кредиторами. Кстати говоря, работники находятся в более привилегированном положении даже применительно к фискальным функциям государства. А те же учредители почему должны страдать? Они в принципе и в соответствии с Гражданским кодексом опосредованно несут имущественную ответственность (это социальная ответственность власти перед бизнесом) за деятельность своей организации и обладают, кстати говоря, соответствующими полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью организации, формируют политику организации, учредители имеют возможность прекратить досрочно полномочия единоличного исполнительного органа. То

есть в данном случае такая опосредованная ответственность учредителей, участников как раз таки вполне оправданна.

Ну и последний вопрос — это вопрос вины. Я соглашусь с тем, что существующая доктрина вины и принципа в целом персональной ответственности, которая была сформирована еще в советский период (кстати говоря, в то время не было потребности в борьбе с преступностью юридических лиц, потому что предполагалось, что советские организации изначально, априори создаются без намерения использования их в преступной деятельности)... Так вот, я соглашусь, что в целом существующая доктрина уголовного права не вполне соответствует институту уголовной ответственности юридических лиц. Но доктрина — это не нечто такое зацементированное, ее можно изменить и взять, кстати, за основу передовые доктрины европейских стран. И административное право уже взяло на вооружение эти доктрины. В административном праве существует ответственность юридических лиц, которая применяется наряду с уголовной и административной ответственностью причастных к этому деянию физических лиц. Я напомним, что по своей юридической природе административное право ничем не отличается от уголовного права. Это так называемая публичная отрасль права — право, устанавливающее публично-правовую ответственность, то есть ответственность, реализуемую в интересах государства: те же штрафы идут не потерпевшему, а они идут в государственный бюджет; то же лишение свободы, другие санкции носят не компенсаторный характер применительно к потерпевшему, а именно карательный характер, дополнительный. То есть за деяния, которые представляют определенную социальную опасность, социальную негативность, помимо возмещения ущерба, которое в противовес публично-правовой ответственности является

гражданско-правовой ответственностью и реализуется в интересах потерпевшего (возмещение вреда), предусматривается и так называемая надстройка в виде дополнительных санкций.

Так вот, природа административного и уголовного права едина, и подходы, правовые принципы здесь тоже должны быть едиными. Отличие в том, как я уже сказал, исходя еще из советской доктрины (так уж традиционно сложилось), что это особая отрасль права, которая применяется за так называемые антиобщественные деяния, менее социально опасные. Хотя и сейчас административисты уже спорят с учетом этого размывания границ вообще о сущности административного права.

В целом это основные моменты, которые хотелось бы отразить в своем выступлении.

А.И. ШИРОКОВ

Благодарю Вас, Георгий Константинович. Очень интересное сообщение.

Коллеги, как мы определимся: вопросы докладчикам в заключительной, так называемой дискуссионной части будем задавать или сразу после доклада?

ИЗ ЗАЛА

Если есть вопросы, сразу, может быть?

А.И. ШИРОКОВ

Других не будет предложений? Хорошо.

У кого есть вопросы к Георгию Константиновичу? Прошу.

Г.К. СМИРНОВ

Неужели настолько все понятно было?

К.Э. ДОБРЫНИН

Георгий Константинович, короткий вопрос (попытайтесь сформулировать): а в чем будет принципиальная разница между

административной ответственностью юридического лица сейчас и уголовной, то есть с точки зрения санкций что появится? Вот если бы Вы, допустим, объясняли это студентам — очень просто и коротко. Я хочу это понять, потому что я не понимаю.

Г.К. СМИРНОВ

С точки зрения санкций принципиальной разницы не будет. Здесь как раз то, о чем я сказал: государство выиграет за счет рационализации процедуры, за счет того, что мы получим возможность экстерриториального уголовного преследования иностранных юридических лиц, за счет того, что мы не будем платить штрафы различным судебным инстанциям, признающим то, что наша процедура привлечения организаций к ответственности не соответствует международным стандартам. Ну и плюс сами организации получают больше привилегий, потому что... Попробуйте в том же административном процессе доказать инспектору то, что вы не пересекали двойную сплошную линию. Это очень сложно. Ввиду того, что возможности доказывания по делам об административных правонарушениях существенно ограничены, суды исходят просто из презумпции как бы фактически того, что инспектор не заинтересован в исходе дела.

Приблизительно такой же подход в настоящее время реализуется и в административном судопроизводстве применительно к юридическим лицам. То есть отсутствие состязательного процесса не позволяет им отстаивать свои интересы. И, кстати говоря, вот представьте ситуацию: выносится приговор, например, о даче взятки в интересах юридического лица; этот приговор в дальнейшем используется в административном судопроизводстве и является, по сути, преюдициальным. И попробуйте в этой ситуации, если действительно организация не виновна, вопреки уже вступившему в

силу приговору суда по уголовному делу, где все установлено, доказать ее непричастность. Да это фактически невозможно. В данном же случае, так как речь идет об одном и том же деянии, она сможет вступить в уголовный процесс и отстаивать свою невиновность в рамках состязательных процедур уголовного судопроизводства. Тем более, как я уже сказал, речь идет об одном и том же деянии. То есть вот очевидные преимущества и для организаций, и для государства, которые будут получены от этого института.

А.И. ШИРОКОВ

Спасибо.

Прошу.

Из зала.

(Говорит не в микрофон.) Вопрос можно задать? Я правильно понимаю, что Вы сейчас говорите о том, что, скажем, уголовный процесс...

Г.К. СМЕРНОВ

Микрофон можно включить? Не слышно ничего.

Из зала (тот же).

...уголовный процесс в отношении взяткодателя (физического лица) и организации (юридического лица) будет вестись одновременно, по вашей концепции?

Г.К. СМЕРНОВ

Не одновременно, а это будет единый уголовный процесс. Ведь речь идет об одном и том же деянии.

Из зала (тот же).

Я про это и говорю. Они у вас будут соучастниками процессуальными?

Г.К. СМЕРНОВ

Нет. Это уже вопрос доктринального характера, готов его обсудить. Тут, кстати говоря, правильно было сказано: это вопрос правовых подходов. В Великобритании, например, они рассматриваются как соучастники, во Франции, например, они считают, что это... В Великобритании тоже существуют принципы доктринального толкования, и источником права являются в том числе принципы доктринального толкования, поэтому там можно.

Во Франции, где существует кодекс (единственным источником является кодифицированный акт), они считают, что соучастие невозможно, но тем не менее привлекают юридических лиц. Поэтому это вопрос больше доктринальный, чем...

Из зала (тот же).

Хорошо.

И, по Вашему мнению, по вашей концепции, вина юридического лица через виновные действия какого конкретно физического лица будет определяться?

Г.К. СМЕРНОВ

По заложенной в тот же законопроект Александра Александровича Ремезкова концепции, там как раз реализован такой передовой подход, который сейчас реализуется во всех странах, где существует ответственность юридических лиц. Здесь существует две категории преступлений. Одна категория, например, — когда уполномоченное должностное лицо, действуя в рамках своей компетенции, осуществляет действия непосредственно от имени юридического лица. Например, руководитель подает налоговую декларацию. В данном случае он действует не как физическое лицо, а от имени юридического лица, соответственно, в данном случае его вина будет определяться виной именно уполномоченного действовать от имени юридического лица физического лица. Но есть

категория преступлений, которые совершаются не от имени юридического лица, а в интересах юридического лица, причем они связаны именно с деятельностью членов органов управления компании. Те же случаи дачи взятки в интересах юридического лица, когда, например, один из членов органа управления, скажем, совета директоров, через кого-то дает взятку в интересах юридического лица. В данном случае он действует не как представитель, уполномоченный в соответствии с законом, уставом, иными локальными документами действовать от имени юридического лица, а как физическое лицо, заинтересованное в благополучии этого юридического лица, но является членом органа его управления. Его действия подпадают под тот же кодекс корпоративной этики. И вот в данном случае как раз таки будет...

Из зала (тот же).

А вина юридического лица в чем?

Г.К. СМЕРНОВ

А вина юридического лица заключается в том, что юридическое лицо в данном случае не предприняло всех должных, зависящих от него мер, направленных на то, чтобы преступление не было совершено, как это прописано, кстати, в настоящее время в кодексе.

Из зала (тот же).

То есть у вас концепция вины такая же, как в Гражданском кодексе?

Г.К. СМЕРНОВ

Не в Гражданском кодексе, а в Кодексе об административных правонарушениях.

Из зала (тот же).

Прошу прощения, я про Гражданский кодекс как раз Вам хотел бы напомнить: либо виновность, либо невиновность.

А.И. ШИРОКОВ

Уважаемые коллеги, подождите. Давайте мы дискуссию (а началась дискуссия) отнесем в конец нашей сегодняшней встречи.

Г.К. СМИРНОВ

Нет, посмотрите, единственное скажу...

А.И. ШИРОКОВ

Я прошу прощения, Георгий Константинович...

Г.К. СМИРНОВ

Это так называемый объективистский подход. В Кодексе об административных правонарушениях прописано, что юридическое лицо виновно в том, что оно не обеспечило должный уровень корпоративного контроля, в результате чего стало возможным совершение преступления членом органа управления.

К.Э. ДОБРЫНИН

Георгий Константинович, на самом деле (раз у нас диалог завязался, это же интересно) вопрос очень точный: как вы представляете себе институт соучастия в этом? Хотелось бы услышать, кем именно из соучастников станет юридическое лицо, потому что мне кажется, что все-таки с точки зрения существующей конструкции это получается некая форма, фактически инструмент сейчас. А как Вы себе видите институт соучастия? Это первый вопрос.

А что касается законопроекта коллеги Ремезкова, понятно, что он фактически там пытается исповедовать так называемый британский принцип корпоративной уголовной ответственности. Но мы-то понимаем, почему в Великобритании это возможно, а у нас

нет. Все-таки у них там прецедентное право, у них совершенно другая система законодательства.

По поводу соучастия все-таки хочу понять Ваше отношение.

Г.К. СМЕРНОВ

Вы по поводу соучастия правильно сказали.

Во-первых, я хотел бы сказать, что уголовная ответственность...

А.И. ШИРОКОВ

Извините, пожалуйста, я могу одну минуту?..

Уважаемые коллеги, я прошу считать вопрос Константина Эдуардовича крайним в этой ситуации. Нам нужно продолжать сегодняшнюю работу. У нас довольно представительный список записавшихся на выступления. Мы уже использовали очень много времени.

Я просил бы Вас очень коротко ответить. Будьте добры, пожалуйста.

Г.К. СМЕРНОВ

Во-первых, уголовная ответственность юридических лиц существует практически во всех развитых странах. В Евросоюзе последней Чехия приняла в 2012 году, в странах СНГ есть, даже на Украине есть эта ответственность, единственное, у нас нет.

Применительно к вопросу о соучастии я с Вами согласен. В том законопроекте, который внес Ремезков, отсутствует соучастие физического лица и юридического лица. Предусмотрена возможность соучастия физических лиц между собой и юридических лиц между собой именно с учетом того, как Вы правильно сказали, что в Великобритании существует возможность доктринального толкования как источника права. И здесь очень много тонкостей. Но практически во всех странах романо-германской правовой системы

соучастие отсутствует, потому что источником уголовного законодательства, уголовного права в этих странах является именно кодифицированный акт.

А.И. ШИРОКОВ

Спасибо большое.

Очень интересная дискуссия завязывается, но я все-таки, коллеги, прошу отнести ее в конец нашей сегодняшней встречи.

Сейчас я хотел бы предоставить слово Генри Марковичу Резнику, президенту Адвокатской палаты города Москвы.

Г.М. РЕЗНИК

Добрый день, дамы и господа! Все-таки должен внести уточнение. Уже два с половиной месяца я не президент Адвокатской палаты города Москвы, срок моих полномочий истек, и я сейчас первый вице-президент, против чего я совершенно не возражаю.

Дорогие коллеги! Я на чем себя поймал? Я представил себе, что сейчас у нас идет не обсуждение в Совете Федерации, а судебное разбирательство, и по результатам состязания двух сторон одна сторона придерживается позиции, что нужно вводить норму об уголовной ответственности юридических лиц в Уголовный кодекс, а вторая — что нет, и вот обе стороны до судебного разбирательства обратились ко мне.

И вы знаете, к какому выводу я пришел? Что без особого насилия над своим внутренним убеждением, над профессионализмом, над честностью просто я, откровенно говоря, мог бы с успехом выступить и с той, и с другой стороны. Вот я с большим успехом обосновал бы, что надо вводить ответственность юридических лиц, повторив и даже развив те аргументы, с которыми выступил мой добрый знакомый и оппонент Георгий Константинович. С таким же успехом я мог бы выступить с другой

стороны, сделав акцент на доктрине личной ответственности, на чем мой коллега Игорь Пастухов сейчас сделал акцент, собственно говоря, что определило позицию федеральной палаты по данному вопросу.

Вообще, на этот счет можно выступить с позицией такой, что это, конечно, не вписывается в доктрину классического уголовного права, которое предусматривает уголовную ответственность только за личную вину. С другой стороны, если бы я выступал за введение, я бы сказал: "Минуточку, а почему? Во многих странах, уважаемых, цивилизованных, есть ответственность юридических лиц. Ну и постсоветские страны приняли сейчас (прибалтийские страны, Казахстан, например)".

Мне кажется, что все-таки ответ на этот вопрос... Я готовился к сегодняшнему выступлению и просто опять оживил свои представления, я этим вопросом интересовался, 10 лет уже идет по этому поводу дискуссия. Я все-таки склоняюсь к тому, что такую ответственность вводить у нас ни в коем случае нельзя. Хотя повторяю, мне очень симпатично...

Правильно Георгий Константинович сказал, что, если бы он стал отвечать подробно на вопрос, который был задан... Есть разные конструкции, вот абсолютно: есть конструкция соучастия, а есть конструкция несоучастия. В частности, она у нас есть в Кодексе об административных правонарушениях. И, в общем, нельзя же, наверное, отрицать то, что реально. В сущности, из 40 составов, по которым такой размах у Следственного комитета... При всем уважении к адвокату Ремезкову как юрист он, по-моему, никто и звать его никак (пускай не обижается), через которого Следственный комитет эту конструкцию, свои предложения вносит. Единственное — конечно, преступления, даже не буду называть

(коррупция, взяточничество...), да, имеют распространение, и колоссальная латентность тут есть, когда взятки даются в интересах корпораций, юридических лиц.

С этим сталкивается вообще все международное сообщество. В частности, например, мы же знаем, несколько лет назад (не знаю, с РАО, по-моему, уже не...) столкнулись с тем, что у иностранных коммерческих организаций, оказывается, закладывается процент, когда они имеют дело с коррумпированными режимами... там, 10 процентов на взятки. Есть явление? Есть явление. Надо ему противостоять? Надо ему противостоять. Но, дорогие мои, мы же серьезные люди, мы же прагматики, и поэтому я акцент делаю вот на чем.

А вот сейчас, интересно, это ко времени? И как это будет работать? У нас много приличных законов, а как правоприменения касаемся — абсолютное паскудство возникает. И вот я приведу единственный пример (я назвал это борьбой законодателей с правоприменителями), как Дума и Совет Федерации (в данном случае я на позитиве их вспоминаю) думали: "Как бы сконструировать эту норму статьи 108 УПК, чтобы все-таки суды не сажали до судебного разбирательства. Как бы так сделать? Ну, нет же основания абсолютно сажать. Нет!" Как ни конструировали, ничего не получалось. Прибегли к казуистическому изложению 108-й. Вообще-то немножко не вписывается в доктрину процессуального права. Что это за селекция такая по составам? Но это было просто необходимо, потому что иначе буквально стон стоял.

Так вот, уважаемый Георгий Константинович, я обращаюсь к Вам. В нынешней ситуации, когда дела по нашим предпринимателям служат источником кормления для наших пинкертонов, и тогда, когда в этой ситуации в принципе, я полагаю,

государство должно проводить (извините за тавтологию) принцип экономии уголовной репрессии, с чем я могу согласиться? Я могу согласиться с Вами, действительно согласен, что административное судопроизводство, конечно, как публичное, сильно-то не должно отличаться от уголовного судопроизводства. Посмотрите, у нас есть статья 19.28, и там как раз заложена эта конструкция.

Отвечая на вопрос, Константин Эдуардович, относительно того, обязательно с соучастниками или не обязательно составлять, скажу, что разные конструкции есть. В статье 19.28 ситуация какая? Да, вину несет физическое лицо — представитель данной организации, руководитель, осуществляющий организационно-управленческие функции, и он, соответственно, осуждается за взятку в интересах своей организации. И вот сейчас статья 19.28 Кодекса об административных правонарушениях сконструирована именно так. И действительно, а куда денешься? Естественно, нужна здесь преюдиция, должен быть человек осужден.

Но, посмотрите, чему я улыбнулся? Когда Вы, Георгий Константинович, сказали относительно того, что там состязательности нет, а в уголовном процессе у нас состязательность, в административном процессе невозможно юридическому лицу просто отстоять свою невиновность, а вот в нашем уголовном процессе — ну, конечно же да!

Когда я вспоминаю цифры наших оправдательных приговоров, мне как-то очень трудно здесь согласиться. А когда сюда вводятся еще неизбежно оценочные моменты, а от них никуда не уйти... Понимаете, можно стремиться в идеале, право должно стремиться к тому, чтобы уходить от оценочных категорий, но полностью нельзя их устранить. И вот пожалуйста... Оказывается, кто у нас спецсубъект? Это спецсубъект, фактически за личную вину которого

или в связи с личной виной которого уже будет нести эти неблагоприятные последствия юридическое лицо.

Значит, есть у нас лицо, осуществляющее в нем фактическое руководство. Нет, лицо, осуществляющее административно-хозяйственные функции, управленческие и прочие, должностное лицо. А дальше? Какой чудесный спецсубъект, мне понравился. Или это лицо, осуществляющее в нем фактическое руководство. Что это такое? Оно должно определяться в ходе процесса, то есть это лицо не имеет отношения к организации формально, но, как написано в проекте, "определяющее волю его", вот стороннее лицо какое-то. Но в результате славной расследовательской деятельности наши пинкертонеры устанавливают, что именно такое лицо, формально не имеющее отношения... Но вы понимаете, вообще, при нынешнем правоприменении к чему это, соответственно, приведет?

Поэтому я полагаю, что в данной ситуации, как и всегда при введении какой-либо нормы уголовной ответственности, это не тот подход, который должен быть свойственен законодателю, когда обращаемся к какой-то стране и говорим: "А вот там видите как? У англичан — здорово, у французов — тоже неплохо, у финнов — очень здорово". Как в свое время ввели эти государственные бюро, которые оказывают юридическую помощь... абсолютно провальный проект. Если бы руководитель Министерства юстиции съездил в другую страну... а там другой совершенно проект.

Нам нужно анализировать ситуацию, что мы получим в результате. Вот никаких абсолютно убедительных мало-мальски доказательств, что это принесет положительный эффект, что это обусловит превенцию, что это приведет к тому, что будут разоблачаться эти самые организации, нет. А там сегодня опять не так просто, понимаете? Когда говорится о том, что эти фирмы,

которые организуются специально в преступных целях... Наверное, есть такие, но они же единичны. А вот эти фирмы, которые мы клеймим, — "фирмы-прокладки", фирмы серые, теневые... А вы знаете, при нашей экономике эти "фирмы-прокладки" просто необходимы, потому что без минимизации налогов, без структурирования налогообложения у нас некоторые отрасли экономики вообще не смогут существовать. Проблема очень сложная, все-таки к ней нельзя подходить таким кавалерийским наскоком.

Я полагаю, что доводов в пользу того, что этот законопроект с точки зрения прагматической, с точки зрения того, что действительно он будет эффективно организован и что выгоды, которые получит общество от этого, превысят те издержки, которые, безусловно, наступят, не приведено.

Поэтому я полагаю, что на данном этапе (не будем загадывать на десятилетия вперед, мало ли что будет) принятие этого закона не принесет никаких ожидаемых позитивных результатов, а будет связано только с ростом коррупции в наших правоохранительных органах. А вот для того чтобы вот эти моменты, о которых Вы правильно говорили, каким-то образом купировать, я полагаю, что принцип состязательности применительно к административному судопроизводству должен быть расширен. Уже сейчас фактически ставится вопрос об обязательной защите применительно к ряду субъектов административной ответственности.

Поэтому мне думается таким образом: вы знаете, все-таки не нужно без нужды, без крайней нужды вводить в наше законодательство изменения, которые носят репрессивный характер. Спасибо.

А.И. ШИРОКОВ

Спасибо большое.

Продолжим нашу работу. Слово предоставляется Владимиру Александровичу Макарову, начальнику Правового управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В.А. МАКАРОВ

Спасибо.

Уважаемый Анатолий Иванович, уважаемые участники парламентских слушаний! Проблема уголовной ответственности юридических лиц в последние годы стала предметом пристального внимания не только ученых, но и законодателей. Действительно, тот законопроект, о котором сегодня идет речь, рассматривался в этом году в Генеральной прокуратуре Российской Федерации. Предложение о введении института уголовной ответственности юридических лиц не было нами поддержано как противоречащее национальной правовой доктрине и принципам уголовного права, согласно которым субъектами преступлений являются физические лица.

Основной аргумент тех, кто высказывается в настоящее время за установление уголовной ответственности юридических лиц, основывается на том, что нормы других отраслей права — административного, гражданского — якобы недостаточны и малоэффективны в борьбе с противозаконной деятельностью юридических лиц. Соответственно, приводятся ссылки на зарубежный опыт.

Со своей стороны, полагаем, что с таким подходом согласиться нельзя. Он неоправданно игнорирует и искусственно принижает социальную ценность и эффективность административно- и гражданско-правовых норм, возможности административного и гражданского права, традиционно являющихся регуляторами деятельности юридических лиц.

При этом административная или гражданско-правовая ответственность юридического лица не исключает уголовной ответственности руководителя этого юридического лица, его представителя, агента в сочетании с гражданско-правовой ответственностью и не требует кардинального пересмотра основополагающих понятий, категорий, институтов уголовного права, как самостоятельной отрасли российского законодательства.

К сожалению, на практике уголовный закон нередко рассматривается как наиболее кардинальное, а подчас единственное средство решения всех проблем. Между тем, реагируя на ту или иную социально-экономическую ситуацию исключительно посредством уголовной репрессии, мы зачастую оказываемся пленниками иллюзии ее решения.

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что при регулировании общественных отношений федеральный законодатель связан в числе прочих конституционных принципов с принципом соразмерности, из которого вытекают требования адекватности, разумности, достаточности и пропорциональности используемых правовых средств. Уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, в том числе норм, устанавливающих административную ответственность, оказывается недостаточным. В то же время отсутствуют статистические или иные данные, которые бы свидетельствовали о явной недостаточности существующих административных санкций и неэффективности действующих

механизмов привлечения юридических лиц к административной и иной ответственности.

На наш взгляд, в конструировании особого субъекта уголовной ответственности — юридического лица — нет практической необходимости. В подтверждение этого стоит отметить то, что предлагающиеся законопроектом для юридических лиц виды уголовных наказаний в целом аналогичны наказаниям, применяемым к ним в рамках административного судопроизводства. При этом процедуру привлечения юридических лиц к ответственности предлагается существенно усложнить в связи с необходимостью возбуждения уголовных дел и, соответственно, проведения предварительного расследования.

По нашему мнению, при существующем в настоящее время уровне правосознания отказ от принципа личной виновной ответственности в уголовном праве может привести к превращению возможности уголовного преследования юридических лиц в плохо контролируемый инструмент разрешения корпоративных споров. В то же время очевидно, что предлагаемое решение не окажет положительного влияния на ситуацию с использованием при совершении преступлений специально создаваемых юридических лиц, так называемых фирм-однодневок, а, наоборот, усложнит деятельность правоприменителя.

Полагаем, что достижение заявленных целей вполне возможно и в рамках действующего законодательства путем сочетания мер уголовной ответственности по отношению к физическим лицам и административного наказания юридических лиц и не требует кардинальной реорганизации уголовно-процессуального законодательства.

Следует отметить, что действующие меры административно-правового воздействия по своим последствиям уже приближаются действительно к уголовно-правовым, а в отдельных случаях превосходят их. К примеру, максимальный размер фиксированного штрафа как вида уголовного наказания составляет 5 млн. рублей, а административного штрафа — 60 млн. рублей. Но, действительно, выходом из этой ситуации могло бы быть развитие принципа состязательности в рамках административного процесса. То же самое можно отметить и применительно к срокам давности в рамках административного процесса. За наиболее серьезные административные правонарушения такой срок составляет шесть лет.

Наказание в виде ликвидации юридического лица предполагается предусмотреть в проекте нового Кодекса об административных правонарушениях. Но при необходимости в отраслевое законодательство могут быть внесены и иные изменения.

Обусловленное реализацией предлагаемых новелл увеличение нагрузки на следственные органы и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, а также суды, возложение дополнительных функций на ФСИН, ФССП России неизбежно потребуют, на наш взгляд, увеличения штатной численности этих органов и дополнительного финансирования, что в настоящее время вряд ли экономически оправдано.

Проблема установления уголовной ответственности юридических лиц, очевидно, принадлежит к числу дискуссионных и в мировой законодательной практике, поскольку уголовные кодексы многих стран строго следуют принципу вины, запрету двойной ответственности за одно и то же преступление, понятию "преступление" и целям наказания, не признавая юридических лиц субъектами преступлений.

Необходимо также отметить, что положения международно-правовых актов ООН, Совета Европы, Организации экономического сотрудничества и развития, участником которых является Россия, не содержат адресованных национальному законодателю императивных предписаний в части установления для юридических лиц именно уголовной ответственности. Полагаем, что это обстоятельство допускает с учетом особенностей действующей в нашей стране правовой системы возможность достижения цели привлечения к ответственности юридических лиц посредством применения административно-правовых санкций.

Также хотел бы отметить, что буквально 15 июня на данный законопроект дано соответствующее заключение Правительством Российской Федерации, в котором выражена консолидированная позиция федеральных органов исполнительной власти. Данный законопроект Правительством не поддержан. Благодарю за внимание.

А.А. КЛИШАС

Спасибо.

Слово предоставляется Мирзоеву Гасану Борисовичу, ректору Российской академии адвокатуры и нотариата.

Гасан Борисович, Вам слово. Пожалуйста.

Г.Б. МИРЗОЕВ

Спасибо, Андрей Александрович.

Добрый день, уважаемые коллеги! На самом деле тема, которую мы сегодня обсуждаем, уже неоднократно была в поле зрения, обсуждения экспертных советов и Государственной Думы, и Следственного комитета, других наших правоохранительных органов. Конечно, мои коллеги-ученые, практики придерживаются разных мнений по поводу введения закона об уголовной ответственности

юридических лиц, и некоторые считают, что эта необходимость отсутствует и как бы против.

На самом деле с учетом той реальной ситуации, которая складывается, даже мы, адвокаты, прекрасно знаем, что сегодня имеются десятки, сотни организаций, которые специально создаются для реализации своих преступных целей. Мы знаем, этими целями являются рейдерские захваты предприятий, бизнеса, учреждений, организаций. Организованная преступность очень четко работает в этом направлении. И если взять за основу те реальные вещи, которые мы называем "современное состояние преступности", то это хотя и не моя тема, но я могу сказать, что, как члену экспертного совета Министерства внутренних дел Российской Федерации и Следственного комитета, мне приходится иметь дело с определенными сведениями, материалами, которые дают ясные основания полагать и утверждать, что эта организованная преступность существует и имеет место быть в нашей, российской действительности. Более того, я могу утверждать, что создаваемые и существующие на территории Российской Федерации (а то и за ее пределами) организации уже очень успешно и активно действуют, имея в виду случаи снятия со счетов денежных средств (те, кто не сталкивался, уже сталкиваются; у некоторых, кто имеет счета за рубежом, — с этих счетов, у некоторых — в Российской Федерации, у кого-то небольшие суммы в рублях, у кого-то — десятки миллионов). Это называют по-разному — электронным мошенничеством и так далее, но эта преступность существует. И кто бы мне мог утверждать, что это можно сделать с помощью отдельных физических лиц, без создания и участия специально организованных юридических лиц, которые в этом направлении очень активно и успешно работают?

Вот сегодня утром у меня на приеме была наш адвокат, у которой мама — бизнесвумен, как говорится, и у которой не далее как несколько дней назад со счета, простите меня, умыкнули 20 млн. рублей.

Она обращалась, Георгий Константинович, в Следственный комитет, в другие органы, почему-то уголовное дело не возбуждают. Я ей порекомендовал обратиться к Александру Семеновичу Броду, члену Совета по развитию гражданского общества и правам человека (здесь некоторые товарищи присутствуют), чтобы хотя бы он подтолкнул это заявление к рассмотрению в наших правоохранительных органах, которые могли бы по этому факту возбудить уголовное дело.

Я здесь написал аналитику. У меня не было, к сожалению, этой библиографии, которую дали здесь, в Совете Федерации, но в целом ряде стран уже давным-давно применяется уголовная ответственность юридических лиц. И это вовсе не означает, что, дескать, если юридическое лицо не имеет такого понятия, одного из признаков состава преступления, как вина (или психическое отношение виновного к результатам... и так далее)... В целом ряде стран, например в той же Франции, применяются такие виды ответственности, как лишение права заниматься определенным видом деятельности, принудительная ликвидация юридического лица, и целый ряд других мер, которые уже реально существуют. И, мне кажется, они все-таки будут иметь превентивный характер, имея целью предупреждение и борьбу с той реальной преступностью, которая в этой сфере уже существует. Потому что существует бизнес, потому что существует недвижимость у людей, которую постоянно разными способами, особенно у людей, которые не могут себя защитить (у престарелых, больных, пенсионеров, инвалидов),

пытаются отнять, самое последнее, что есть. И в этом направлении уже успешно работают такие юридические лица.

Основание уголовной ответственности по признаку вины, о котором я уже говорил, у моих коллег вызывает самое большое количество вопросов, в том числе в зарубежной законодательной практике; там уже давно не стоит, например, на повестке дня вопрос, а он решается по тому принципу, о котором я сказал. Например, юридическое лицо, будучи, по сути дела, юридической фикцией, не может, конечно, иметь никакой психики, и, соответственно, непосредственно к юридическому лицу понятие вины неприменимо. Поэтому в тех странах, где закон допускает уголовную ответственность юридического лица, принято считать, что вина его воплощается в виновном поведении руководителей или представителей. В Англии это получило название "принцип отождествления (идентификации)". Его суть состоит в том, что действия (бездействие) и психическое состояние высших должностных лиц корпораций, контролирующих служащих, допустим, определяются как действия и психическое состояние самой корпорации. В этом случае возникает не замещающая, а личная ответственность корпорации. В тех случаях, когда преступление совершено должностным лицом, корпорация отвечает как исполнитель, если же служащий выступал в качестве соучастника, корпорация подлежит ответственности как соучастник. Следует отметить, что основание уголовной ответственности юридических лиц за преступление, совершенное управленцем в пользу данного юридического лица в той или иной форме, нашло свое место в правовых системах зарубежных государств. Например, согласно статье 121-2 Уголовного кодекса Франции юридические лица подлежат уголовной ответственности за преступные деяния,

совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица.

По общему правилу ответственность юридических лиц не отменяет принципа личной виновной ответственности, а сосуществует с ним и дополняет его. Принцип уголовной ответственности юридического лица не устраняет уголовной ответственности физического лица и так далее.

Я не буду все это зачитывать, не люблю читать. Могу сказать в заключение: я поддерживаю Генри Марковича Резника в том, что, конечно, в современных условиях, когда наш, российский суд не в полной мере независим, когда наше правосудие непрозрачно и не обеспечивает в полной мере защиты прав людей, которые нуждаются в защите суда, в этом направлении нам надо серьезно работать, чтобы совершенствовать правосудие, обеспечивать независимость суда, давать возможность адвокату эффективно осуществлять защиту прав человека и гражданина. И, конечно же, для этого должны быть в полной мере задействованы законодательные механизмы, которые эти процессы обеспечивают.

Я думаю, что в совокупности с той ролью, которую выполняет (я имею в виду превентивную роль) законодательство, в том числе в части усиления ответственности за те или иные преступления, особенно в той сфере, о которой идет речь, в случае принятия закона об ответственности юридических лиц, возможно, в совокупности с развитием законодательства, я бы сказал, и о правах человека, и о правосудии, может быть, у нас будет в полной мере построено правовое государство, о котором мы все мечтаем. Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Спасибо, Гасан Борисович.

Уважаемые коллеги, у меня в том списке лиц, которые попросили слово, еще семь человек. Если мы будем в пять – семь минут укладываться, то все успеют и еще останется какое-то время на дискуссию, которая по первоначальному плану должна была начаться в 17 часов 15 минут. С учетом этого обстоятельства я готов всем предоставить слово, у нас в принципе достаточно времени, но хотелось бы, чтобы потом те, кто не записался, тоже могли выступить с репликой или как-то отреагировать. Поэтому прошу такого регламента придерживаться.

Владимир Соломонович Смолярж, управляющий партнер юридической компании "Гудков, Корельский, Смолярж". Пожалуйста.

В.С. СМОЛЯРЖ

Уважаемые коллеги, добрый день! Благодарю за возможность выступить по этой теме. Тема, честно говоря, не совсем наша. Наша компания не занимается защитой по уголовным делам, но мы для себя увидели, что новые времена, что называется, приносят новые вызовы. Несколько лет назад мы даже не могли себе представить, что будем задумываться о рисках уголовной ответственности наших корпоративных клиентов, но на сегодня это реальность, мы это обсуждаем.

Первая, эмоциональная реакция, безусловно, была у всех наших коллег примерно одинаковой: "Этого не может быть, потому что нас так не учили, это не написано ни в доктрине, ни в законе, а сам закон написан под ответственность физических лиц". Когда эта первая, эмоциональная волна ушла, мы стали, естественно, рассуждать уже более рационально, задавать сами себе вопросы и искать на них ответы.

Первые вопросы, которые мы задали: "Зачем нужен этот новый правовой институт? Неужели государству не хватает имеющихся механизмов воздействия и правоприменения?" Ответили себе: "Нет".

Георгий Константинович как раз в своем выступлении вспоминал дело "ЮКОСа". Немножечко с другой стороны хотелось бы на него взглянуть, ведь вспомните, что в рамках этого нашумевшего дела без внесения изменений в уголовный закон и в налоговое законодательство государство смогло не только привлечь к уголовной ответственности собственников бизнеса, но и перераспределить активы множества компаний. При этом никоим образом имеющиеся механизмы действовавшего 10 лет назад закона этому не воспрепятствовали.

Другой аргумент, который мы тоже проанализировали, — это некие препятствия, не позволяющие дотянуться до зарубежных активов российских (назовем их так) преступных корпораций. На самом деле существующая уже и давно устоявшаяся система владения зарубежной собственностью не предполагает наличия юридической связи между бенефициаром и той юридической структурой, которая находится за рубежом, что, безусловно, осложнит и на самом деле сделает невозможным реализацию этого благого начинания — получения доступа к активам российских преступных организаций.

На самом деле часто очень звучит такое понятие, как "принцип снятия корпоративной вуали", но на самом деле в зарубежной практике он работает иначе. То есть это не движение от преступника-гражданина к компании, в которой он осуществляет управленческие функции, а это как раз, наоборот, движение от некой абстрактной компании к ее конечному бенефициару, с тем

чтобы активы этой компании могли быть использованы для удовлетворения претензий, в том числе и уголовных, к ее фактическому владельцу.

Другой вопрос мы себе задали: "Может быть, речь идет о некой очень эффективной превенции?" На самом деле нет. Вряд ли можно предположить, что такой вид воздействия, как предупреждение, который заложен в законопроекте, будет способствовать превенции. При этом вся сила, вся мощь государственного аппарата будет направлена на то, чтобы провести полноценный уголовный процесс и сделать юридическому лицу предупреждение, что, согласитесь, странно. При этом возможная ликвидация, которая предусмотрена как, скажем, высшая мера корпоративной ответственности, к сожалению, в наших, российских реалиях тоже мало кого пугает, поскольку у нас по сей день бизнес воспринимает ликвидацию и банкротство не как некое позорное событие в своей жизни, а, скорее, как, скажем так, "очистительный огонь". Поэтому здесь эта цель тоже не будет достигнута.

Стали мы двигаться дальше, задались вопросом: "Что станет лучше, или кого мы победим в результате введения этого института?"

Безусловно, все понимают, что, скорее всего, из того перечня составов, который в пояснительной записке к законопроекту содержится, мы увидим попытки наиболее частого применения этой ответственности в сфере легализации денежных средств и имущества, добытого преступным путем, коммерческого подкупа и дачи взятки. Однако если детально рассмотреть возможность применения к этим составам, то мы увидим, что легализация совершается в интересах конкретных физических лиц. И в данном случае корпорация выступает не как субъект, а, скорее, как инструмент, с помощью которого достигаются эти преступные цели. То есть если проводить

аналогию, то применение здесь корпоративной уголовной ответственности столь же эффективно, сколь эффективно было бы торжественное уничтожение орудия убийства, как форма воздействия на убийцу.

Что касается коррупционных преступлений, то, действительно, они являются большой проблемой нашего сегодняшнего общества, но то, как сконструирован законопроект, мы считаем, не позволяет эффективно привлекать к ответственности корпорации именно в сфере коррупционных преступлений. Дело в том, что, к сожалению (или к счастью), эти преступления (именно дача взятки) совершаются не должностными лицами, как правило, не руководителями, и доверенность на дачу взятки тоже у нас, к счастью, пока не в ходу, поэтому сама возможность эффективного применения этой нормы для нас под большим вопросом.

С другой стороны, когда мы посмотрели, что станет хуже или кто проиграет от этой ситуации, то мы для себя ответили так, что, скорее всего, ухудшится деловой климат. Дело в том, что одним из аргументов разработчиков законопроекта является приближение к мировым стандартам, а на самом деле, если мы увидим применение этой новой концепции на практике, то окажется, что возможность уголовного преследования любой компании по результатам деяний ее представителей, скорее всего, отпугнет инвестиции и сделает российскую экономику менее привлекательной.

Отдельного упоминания заслуживают нормы законопроекта, допускающие уголовное преследование правопреемника юридического лица. Здесь можно рассмотреть простой пример, когда в результате реорганизации большая серьезная добропорядочная компания присоединяет к себе более мелкого игрока на рынке и, исходя из смысла законопроекта, вынуждена будет отвечать за

возможные преступные деяния какого-то представителя этой присоединенной компании. То есть здесь уже мы видим не просто размывание принципа персональной ответственности, а такой некий новый, неведомый нам принцип ответственности "за того парня".

В результате по совокупности всех вопросов и ответов мы здесь, безусловно, согласимся с Генри Марковичем, что минусы от этого нововведения существенно превышают плюсы. И в такой ситуации мы можем только дискутировать, но все-таки следует повременить с введением этого новшества в наш закон.

А.А. КЛИШАС

Спасибо большое.

Пожалуйста, Пикуров Николай Иванович, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, профессор. Пожалуйста, я приглашаю на трибуну.

Он присутствует? Нет его? А отметили, что есть.

Тогда слово предоставляется Сучкову Андрею Владимировичу, советнику президента Федеральной палаты адвокатов. Пожалуйста.

А.В. СУЧКОВ

Спасибо.

Уважаемые участники парламентских слушаний! Законопроект "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц" был рассмотрен Федеральной палатой адвокатов и получил отрицательное заключение.

Прежде всего, необходимо отметить, что данный законопроект противоречит принципам уголовного права и не соответствует целям назначения наказания.

Еще со времен римского права существовал тезис о невозможности совершения обществом, организацией преступления (*societas delinquere non potest*). И преодоление этого многовекового принципа возможно только при наличии серьезных оснований, которые в законопроекте не усматриваются.

Введение уголовной ответственности юридического лица противоречит принципу личной виновной ответственности и субъективного вменения, которое предусматривается как уголовным законом, так и доктриной уголовного права. Предлагается взамен объективное вменение, то есть невиновное причинение вреда, для юридического лица, что прямо запрещено частью 2 статьи 5 Уголовного кодекса.

Противоречит уголовная ответственность юридического лица и учению о преступлении, поскольку причиняющие ущерб действия (бездействие) юридическое лицо само совершить не может; поскольку оно не обладает ни сознанием, ни волей, само не способно совершить какой-либо поведенческий акт.

Уже указывалось на то, что существуют определенные проблемы в конструировании вины юридического лица, но я полагаю, что в данном случае проблема еще шире — вообще отсутствует четырехэлементный состав преступления, а в соответствии со статьей 8 Уголовного кодекса наличие всех элементов состава преступления предполагает возможность привлечения к ответственности. В полной мере можно говорить только об объекте преступления. Субъект, поскольку юридическое лицо — правовая фикция, уже под вопросом. Субъективная сторона (здесь уже неоднократно на этом останавливались) отсутствует, не присутствует ни волевая, ни интеллектуальная часть субъективной

стороны. И объективная сторона — все эти действия совершает в конечном счете физическое лицо, но никак не юридическое.

Таким образом, вводятся разные принципы привлечения к уголовной ответственности как физических, так и юридических лиц, они совершенно противоположны. При этом невозможно сочетать принципы вины и личной ответственности, применяемые для физического лица, с одной стороны, с невиновной и коллективной ответственностью юридического лица.

Предложение о введении уголовной ответственности юридического лица противоречит также и положению о наказании. В соответствии со статьей 43 наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Последнее явно не подходит для юридического лица.

Уже упоминался ряд конвенциональных актов, подписанных и ратифицированных Российской Федерацией, которые требуют приведения законодательства Российской Федерации в соответствие с требованием конвенций о введении уголовной ответственности юридического лица. Но если мы посмотрим текст каждого из актов, мы увидим, что, первое, это требование неоднозначно, то есть необязательно введение только уголовной ответственности, возможно введение ответственности административной или гражданско-правовой. И в каждом случае указывается: "если это не противоречит принципам национального законодательства". То есть национальное законодательство в рамках каждой из этих конвенций превалирует.

Предложение о введении уголовной ответственности юридического лица не решает тех задач, которые указаны в справке

к законопроекту, скорее, оно ставит больше вопросов, не предлагая на них каких-либо ответов.

Первое. Как будет решаться вопрос (если вообще предполагается такое решение) о невменяемости юридического лица, когда по одному уголовному делу привлекается физическое лицо и, скажем так, прицепом к нему — юридическое лицо, а физическое лицо, за чьи действия привлекается юридическое лицо, вдруг признается невменяемым в отношении инкриминируемого ему деяния? Что делать в данном случае с юридическим лицом? Признавать ли его тоже невменяемым?

Непонятна стадийность совершения преступления юридическим лицом, в частности, разграничение приготовления, покушения и оконченного состава.

Не совсем понятен вопрос рецидива, а уж тем более его учет и влияние на дальнейшую ответственность юридического лица.

Что делать с конкуренцией норм, когда ликвидация юридического лица происходит в виде санкции по уголовному делу по приговору суда, а также если параллельно проходит самоликвидация юридического лица в рамках гражданского законодательства?

Проблема существует и в процессуальной сфере. В частности, законопроект не предполагает квалифицированного представительства юридического лица. Юридическое лицо может представлять кто угодно — имеющие образование, не имеющие юридического образования и определенной квалификации. Эти подходы противоречат принципам уголовного процесса и даже, могу сказать, конституционным принципам — права на получение квалифицированной юридической помощи, а также процессуальному принципу обеспечения права на защиту.

Предполагаемые варианты ответственности юридического лица иногда вообще могут завести в определенный тупик. Если мы говорим, что ответственность юридического лица может наступать (и, как правило, наступает) за действия органов его управления... Предположим ситуацию: акционеры приняли решение, которое в дальнейшем следствием и приговором суда признано преступным, и в результате те же акционеры отголоски этих правовых санкций получают. Если, например, юридическое лицо ликвидируется, то вообще его акции обесцениваются, или, если штраф, они существенно теряют в цене. Но если ситуация такая, что 60 процентов акционеров проголосовали "за", а 40 процентов — "против", то они в одинаковой мере претерпевают санкции, при этом первая часть, более обширная, — за противоправное поведение, другая же часть — за поведение абсолютно законное, то есть как раз в противовес чему и привлечено к ответственности юридическое лицо.

Прозвучала уже тема, однако она не нашла своего разрешения ни в пояснительной записке к законопроекту, ни в выступлениях, — это социальный анализ данного законопроекта и, в частности, влияние на работников юридического лица в случае принятия решения о наложении штрафа (а штрафы там весьма крупные) или о его ликвидации. И я не думаю, что можно расценивать как такой полноценный довод, что в случае ликвидации они являются первыми в очереди на получение компенсации, прежде всего они теряют работу и определенные социальные гарантии.

Также полагаю, что при рассмотрении данного законопроекта необходимо обратить внимание на повышенные предпринимательские риски и связанные с ними возможность

оттока капитала и снижение инвестиционной привлекательности страны.

По этим доводам данный законопроект получил отрицательную оценку в Федеральной палате адвокатов.

Спасибо. Готов ответить на вопросы.

А.А. КЛИШАС

Спасибо, Андрей Владимирович.

Татьянина Лариса Геннадьевна, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета.

Присутствует Татьяна? Она заявлена. Нет ее.

Марина Анатольевна Штатина, заведующая кафедрой административного права Российского государственного университета правосудия.

М.А. ШТАТИНА

Здравствуйте! Спасибо большое за предоставленную возможность, тем более, я так поняла, что я единственный административист, который собирался выступить в данном случае.

Итак, во-первых, хотела бы обратить внимание на те вопросы, которые именно мы, административисты, ставим. Когда принимается то или иное решение, тот или иной законопроект, прежде всего нужно иметь в виду те цели, которые мы имеем, и цели введения, и, как здесь уже говорилось, те последствия, которые мы в результате получим.

Нам здесь нужно учитывать (я не буду говорить о сложностях, предположим, работы той или иной конкретной ветви власти), что в случае принятия соответствующего законопроекта нужно очень серьезно подготовить специалистов всех ветвей власти, которые будут применять этот законопроект, поскольку, естественно, нужно

будет изменить очень многие подходы, которые есть в уголовном праве. Нужно это менять или не нужно — это другой вопрос. Вот это самый главный вопрос, который должен быть поставлен. Но, если мы принимаем этот законопроект, нам нужно учить очень серьезно правоприменителей в сфере исполнительной власти, нам нужно серьезно учить и судей, и так далее. Насколько мы к этому готовы? Не будем говорить о дурной воле, о недостаточной мотивации, мы будем говорить о том, что это абсолютно необходимо. И тот подход, который у нас в последнее время складывается, когда мы говорим о том, что мы сначала примем какой-то закон, а потом практика у нас все покажет, а потом говорим о том, что практика у нас почему-то плохо работает, — это подход, с моей точки зрения в принципе неверный.

Поэтому только с этой точки зрения — что нам в случае введения подобного рода новых мер нужно очень серьезно подготовить правоприменителей, с моей точки зрения, уже только по этому основанию законопроект в настоящее время принимать не следует, независимо от того, что бы там ни было написано дальше, потому что он предполагает очень серьезные изменения.

Далее. Когда мы говорим о последствиях, нужно иметь в виду не только те последствия, которые возникнут для государства и для государственных органов, но и те последствия, которые будут касаться граждан. Конечно, граждане у нас бывают разные: у нас есть граждане, которые нарушают законы, и есть законопослушные граждане. Вопрос в том, что любая отрасль права и любые правовые нормы должны защищать законопослушных граждан, а у нас, как сейчас выступали, выясняется такая ситуация: кто-то в юридическом лице... Причем мы не будем говорить сейчас о крупных юридических лицах, которые, совершенно очевидно, возможно, включаются в

коррупционные пирамиды, а будем говорить об обычных юридических лицах, которые, может быть, о серьезной коррупции особенно и не слышали, и не знают, неважно. Но там совершается какое-то правонарушение, и, естественно, все лица, которые там работали, в конечном итоге за счет достаточно больших штрафов либо даже за счет ликвидации этого лица могут потерять работу.

В связи с этим возникает вопрос: нужны нам сейчас дополнительные социальные проблемы, которые и так сейчас в нашей экономической ситуации достаточно непростые? А совершенно очевидно, что в случае внесения законопроекта и принятия его мы в обязательном порядке придем к ситуации осложнения социальных отношений в нашей стране. Это тоже нужно все просчитать, это нужно все продумать. И с этой точки зрения мне тоже представляется, что те пояснительные записки, которые в данном случае даны, не дают окончательных ответов на эти вопросы. То есть здесь комплексный подход, и рассчитать абсолютно все последствия совершенно необходимо.

Далее. Здесь неоднократно говорили о том, что административное право и уголовное право практически одно и то же. Ну, как вам сказать? Когда мы говорим только об одном институте административного права — административной ответственности, — мы можем найти очень многие позиции, которые сближают административное право и уголовное право. Но в административном праве есть еще масса других механизмов, которые и связаны с необходимостью управления многими вопросами. А вот управленческие моменты здесь тоже не продуманы.

Далее. В Кодексе об административных правонарушениях у нас действительно есть, достаточно долго работает институт привлечения к административной ответственности юридических лиц.

Надо точно понять, каким образом и почему этот институт возник. А возник он именно потому, что в условиях рыночных отношений мы не в состоянии достаточно быстро найти субъект правонарушения теми методами, которыми располагает административное право. Наказание за административное правонарушение имеет главную цель — общую и частную превенцию по отношению к уголовному праву. Если будут какие-то административные правонарушения наказаны, то в таком случае не будут совершаться уголовные преступления. И поэтому здесь быстрота привлечения к административной ответственности, неотвратимость и простота процедур — это тоже очень важно. Поэтому в этих достаточно простых процедурах мы очень часто из-за закрытости той информации, которая в условиях рыночных отношений неизбежно существует, не можем определить персонально, кто конкретно допустил то или иное правонарушение. Уголовный процесс дает для этого абсолютно все основания. Поэтому другие цели, другие задачи административной ответственности, они и привели к тому, что мы вынуждены были признать административную ответственность юридических лиц.

В отношении вины. Как известно, когда принимался Кодекс об административных правонарушениях, понятия вины юридического лица не было, и только то, что Президент налагал вето на законопроект, привело к тому, что юристы, ученые вынуждены были написать определение вины юридического лица. И вина юридического лица определяется немножечко не так, как здесь говорили, а определяется таким образом: в том случае, если юридическое лицо не совершило всех тех действий или не выполнило всех тех обязанностей, которые требуются от него по закону, но могло это все совершить, в таком случае оно признается

виновным. То есть смысл заключается в том, что если юридическое лицо не обеспечило такого управления внутри юридического лица, которое дает возможность исполнять законы, то это юридическое лицо отвечает за это, потому что здесь необходимо прежде всего решить управленческие вопросы. То есть опять мы немножечко другие подходы должны иметь в уголовном праве.

И далее. В настоящее время, к сожалению, не было проведено серьезного исследования по поводу того, как же у нас применяется сейчас административная ответственность юридических лиц, это еще тоже нужно обобщить и посмотреть. И у нас среди административистов до сих пор есть такое представление (причем достаточно крупные ученые настаивают на этом), что все-таки привлечение юридических лиц к административной ответственности — это не совсем правильно было введено вместо персональной ответственности конкретных должностных лиц. И в КоАПе, то же самое, у нас есть ответственность должностного лица и ответственность юридических лиц. И очень много споров возникает по поводу того, как распределять эти виды ответственности, как определять этих субъектов.

Здесь же у нас получается очень своеобразная система, когда за одно правонарушение мы ищем большое количество соответственно субъектов уголовной ответственности. Насколько это объективно необходимо — вопрос, с моей точки зрения, тоже требует весьма серьезного исследования. Но, учитывая ту ситуацию, которая есть в настоящее время в нашей стране, и тот уровень разработки данного законопроекта (я не говорю о каких-то конкретных деталях), с моей точки зрения, вывод совершенно однозначен: в настоящее время ставить вопрос о рассмотрении именно этого законопроекта, о его принятии абсолютно преждевременно, необходима серьезная

научная проработка, в которой должны принимать участие представители различных отраслей науки. Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Спасибо, Марина Анатольевна.

Людмила Валерьевна Кучерова, партнер адвокатского бюро "Андрей Городисский и партнеры".

Намечается какой-то консенсус среди выступающих. Уважаемые коллеги, стараемся регламенту следовать. У нас не так много времени остается до завершения.

Пожалуйста.

Л.В. КУЧЕРОВА

Спасибо большое.

Продолжая ту дискуссию и те мысли, которые сейчас прозвучали по поводу административного законодательства, хотела бы отметить, что в жизни те должностные лица, которые должны понести персональную ответственность, зачастую бывают номинальными. И можно поспорить с уважаемым представителем науки относительно эффективности персональной ответственности этих физических лиц, которые фактически могут быть заменены на других номинальных руководителей, и в итоге несут ответственность конкретно эти лица. А политика юридического лица остается прежней, и оно продолжает существовать, в том числе если его деятельность направлена на совершение противоправных действий, как, например, уклонение от налогов или коррупционные действия, то, в общем-то, эта система остается нерушимой.

Я прекрасно понимаю актуальность этой темы с точки зрения как раз инициатора этого законопроекта — Следственного комитета. Да, действительно, прежде всего государственные интересы были в основе этого законопроекта. И нельзя не согласиться с актуальностью темы

привлечения к ответственности юридических лиц. Однако уголовная ли это должна быть ответственность? Вот в чем вопрос.

Кроме того, единообразие в механизме уголовного преследования юридических лиц экстерриториального уровня также актуально за пределами Российской Федерации. Действительно, необходимо как раз этот аспект привести в соответствие с международными конвенциями. И я полагаю, что это бесспорно.

Что касается действительно фундаментальных особенностей этого законопроекта и существующих норм уголовного права, и науки уголовного права в целом, конечно, прежде всего заостряется внимание на определении вины.

Не буду больше об этом говорить. Все присутствующие и все выступившие солидарны в этом.

Что касается все-таки самого законопроекта, то полагаю, что механизм определения вины юридического лица, в общем-то, никак не определен и не отражен.

Что касается совместимости с административным законодательством, то я пришла к выводу как раз, что административное законодательство действительно определяет принцип установления субъективной стороны при правонарушении. Мы понимаем, что "преступление" и "правонарушение" — это очень близкие понятия, фактически преступление — это правонарушение, обладающее наибольшей общественной опасностью, социальной опасностью, закрепленное в уголовном законе страны.

Таким образом, я пришла к выводу, что, может быть, все же именно административное законодательство необходимо усовершенствовать и вину юридических лиц ужесточить именно в административном законодательстве.

Кроме того, также опасение вызывают современная уголовная практика, высокая производительность обвинительных актов и практически отсутствие оправдательных, что, опять же, позволяет мне говорить о том, что я все-таки голосую против данного законопроекта, опасаясь правоприменения.

Что касается конкретно выделенных видов преступлений, за которые предполагается уголовное преследование юридических лиц, то я бы обратила внимание на это количество. И принятие данного законопроекта, опять же, повлечет за собой существенное расширение уголовного преследования, а за ним и уголовных репрессий. Полагаю, что если уж и говорить об уголовной ответственности, то хотелось бы сузить введение уголовной ответственности юридических лиц, прежде всего в сфере экономических преступлений.

Также я выделила проблему введения уголовной ответственности юридических лиц за причастность к наиболее опасным видам преступлений. В этой связи хотелось бы говорить о солидарной ответственности компании и физического лица, управляющего этой компанией.

В целом хотелось бы отметить, что я не нашла... В статье 75.1 "Освобождение от уголовной ответственности физического лица в связи с осуждением юридического лица" указано, что физическое лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, но непонятно, в каких случаях. "Может быть освобождено" и "должно быть освобождено" — разные вещи.

И еще хотела тезисно (раз уж время не позволяет) остановиться на тех мерах наказания, которые предложены в данном законопроекте. Полагаю, что, в общем-то, предупреждение, штраф, лишение лицензий, квот, преференций или льгот... Если штраф —

знакомая нам мера, а вот лишение лицензий, квот, преференций или льгот — достаточно эффективная могла бы быть мера, примененная к юридическим лицам, совершившим правонарушения.

В общем, если все же законодатели придут к выводу о введении этого законопроекта или иного, в административное ли законодательство или в уголовное, я бы сакцентировала внимание на правильно предложенных мерах наказания, в том числе запрете на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, лишении права заниматься определенным видом деятельности, а также принудительной ликвидации.

Поэтому законопроект не бессмыслен, но вызвал противоречивое к себе отношение. Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Людмила Валерьевна, спасибо большое.

Денис Викторович Саушкин, адвокат, партнер адвокатского бюро "Забейда, Касаткин, Саушкин и партнеры".

Пожалуйста, Денис Викторович.

Д.В. САУШКИН

Спасибо.

Уважаемые коллеги! Так получилось, что Георгий Константинович у нас остался сегодня один против всех. Я также примкну к большинству. Дело в том, что наше бюро занимается исключительно защитой по уголовным делам, и мне как-то проще с вами, наверное, напрямую поговорить об этом.

Смотрите, Георгий Константинович, я пролистал весь очень большой законопроект. Честно говоря, я сразу искал одно, в конце концов нашел — статью 446.4, которая, естественно, называется "Подследственность": все категории дел, связанные с привлечением к уголовной ответственности юридических лиц, относятся к

исключительной подследственности Следственного комитета, и только лишь в том случае, если идет совокупность нескольких преступлений, где юридическое и физическое лицо... там на усмотрение прокурора.

Георгий Константинович, посмотрите, у вас в Москве даже не то что уже на уровне районов, на уровне округов следователи падают в кабинетах от того, что спят четыре часа в сутки. Зачем им еще и это? Еще это очень сложное, меняющее концепцию... Это же надо переучивать!

Также хотелось бы еще обратить внимание на предлагаемые поправки в статью 75.1 (коллега до этого пояснила) "Освобождение от уголовной ответственности физического лица в связи с осуждением юридического лица". К сожалению, это самая большая возможность, до этого звучавшая (зная, как в настоящий момент рассматриваются и раскрываются самые главные преступления), для рейдерских возможных захватов, для того чтобы указывать небольшой и средней тяжести... Но опять-таки наказание по данной категории дел вполне может достигать 200 млн. рублей. Для средней, небольшой фирмы 200 миллионов — это оборот за год, и в том случае, если она не сможет исполнить это наказание, она, естественно (следующий шаг), подлежит принудительной ликвидации. А всё почему? Потому что, может быть, какой-то сотрудник, который якобы имеет возможность управления в этой организации, в интересах этой организации предложил кому-то денег, это было оформлено надлежащим образом, и, таким образом, фактически юридическое лицо подлежит ликвидации. Это в той конструкции, которую вы предлагаете, в том виде, в котором есть.

Я до сих пор не могу понять, что мешает с такой настойчивостью, с такой скрупулезностью (что собой представляют

эти поправки) внести подобного рода изменения в Кодекс об административных правонарушениях?

Вы говорите, вы не видите состязательности, не представляется возможным... Что мешает внести поправки, которые будут гарантировать состязательность в административном процессе? Ничего.

Я все это к чему хотел сказать? Дело в том, что ссылка в справке, что... Я читал много ваших статей, начиная с 2011 года, и Александра Ивановича, и Ваши статьи — все читал. Вы мотивируете тем, что во многих приличных странах есть одна проблема: в тех странах, которые вы называете, почему-то нет арбитражных оговорок тех фирм, что судиться — на территории Российской Федерации. Почему-то фирмы, которые работают, которые зарабатывают на территории Российской Федерации, предпочитают использовать арбитражную оговорку: "Высокий суд Лондона". Давайте мы все-таки подобного рода новации в право будем вводить только тогда, когда появится оговорка: "на территории Российской Федерации иностранные компании..."

Я и мои партнеры очень много общаемся с предпринимателями в части именно уголовных рисков. Они очень сильно этого боятся. То, что предлагается Следственным комитетом руками депутата Ремезкова, поверьте мне, настолько напугает в наше нестабильное, непростое время (я не говорю страшных слов, но в настоящий момент — непростое)!.. И если сейчас еще мы будем нагнетать ситуацию, проблема с предпринимательством будет очень большая.

Поэтому исключительно лишь с позиции целесообразности по инвестиционному климату, тому, что происходит в Российской Федерации, я также прошу (обращаюсь в данном случае именно к

законодателям) обратить максимум внимания на этот законопроект, потому что последствия, я боюсь, будут, ну, очень негативными, потому что, к сожалению, Россия пока еще не готова к таким изменениям.

У меня все. Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Спасибо, Денис Викторович.

Рязанцев Александр Анатольевич, старший партнер, адвокат адвокатского бюро "Ковалев, Рязанцев и партнеры". Пожалуйста.

Георгий Константинович, я Вам обязательно дам слово в конце. *(Оживление в зале.)*

А.А. РЯЗАНЦЕВ

Спасибо.

Я буду предельно краток. Я поддерживаю спонтанно возникший тут тренд, так скажем. Спонтанно, не спонтанно — многие готовились, многие созревали сейчас. Я отношусь к числу тех, кто категорически возражает против введения данного института, и выступление коллеги из Следственного комитета еще более убедило меня в этом. В общем-то, я не увидел достаточно веских оснований для введения нового института уголовной ответственности.

Я хотел бы обратить внимание, что уголовная ответственность может вводиться с единственной целью — запретить под страхом таковой какие-либо действия, представляющие опасность для общества. В данном случае, как выступил представитель Следственного комитета, введение экстерриториального уголовного преследования для ряда организаций не может являться... введение уголовной ответственности не является самоцелью, то есть введение уголовных составов, появление новых субъектов уголовной ответственности.

Я хотел бы еще обратить внимание на то, что проведение ОРД, как основание введения уголовной ответственности, также вызывает определенные, мягко говоря, вопросы. Это не просто нарушение Конституции, которая ограничивает... Вообще, странно, что представитель Следственного комитета прямо здесь озвучивает, что, поскольку по административным делам ОРД невозможна, так вот мы введем ответственность (как одну из причин), чтобы проводить ОРД по уголовным делам в отношении юридических лиц.

И я уже не буду здесь повторяться, что, скорее всего, вина носит действительно объективистский характер, вина за какого-то дядю, за это... Я думаю, что было достаточно много уже здесь сказано по этому вопросу.

Ну и в принципе законопроект депутата Ремезкова, так скажем, сырым сложно назвать, я бы использовал другое слово. Процессуальные вопросы, которые он в нем поднимает, просто колоссальные, включая участие в уголовном процессе самого юридического лица. Эта система не отработана при нынешнем куцем участии... в качестве, допустим, потерпевшего, юридическое лицо участвует. Эти вопросы недостаточно отработаны. А здесь полноценное участие юридического лица как участника со стороны защиты. Более того, потенциально... то есть получаем статус подозреваемого, обвиняемого и так далее.

Поэтому я, завершая свое выступление, хотел бы обратить внимание вот на что. Не кажется ли странным, что у нас за административные правонарушения материальные санкции выше, чем за аналогичные, похожие правонарушения в уголовном праве (административная ответственность устанавливается за менее опасные, чем в уголовном праве, правонарушения)? И мы сейчас здесь открыто говорим, что там нет состязательности, там не

отработано... Так вот, может быть, законодатели, правоприменители свои волю и желание направят в это русло и озадачатся вопросами административной ответственности, в том числе юридических лиц, не перекладывая силы на новые, в общем-то, неизведанные и серьезные институты?

У меня все. Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Спасибо.

Уважаемые коллеги, мы переходим к дискуссии. Я прошу очень кратко высказываться всех.

В первую очередь я наконец хочу узнать правильную точку зрения по этому вопросу. Поэтому, Олег Кимович Зателепин, судья Верховного Суда, пожалуйста, Вам слово.

О.К. ЗАТЕЛЕПИН

Добрый день, уважаемые коллеги! Выслушав сегодняшние выступления, я понял, что Верховный Суд занимает самую взвешенную позицию, поскольку в нашем отзыве мы не столь категорично против этого института, как, допустим, Правительство в своем отзыве и как наше адвокатское сообщество. Но тем не менее мы обратили внимание разработчиков на несколько вещей, и прежде всего на то, что надо заниматься этой темой, надо развивать теорию, а не считать, что теория отстала, поэтому мы можем ее перешагнуть, внедрив в наше сознание институт, который пока не очень приживается. Поэтому это одно из мероприятий, и другие конференции, которые постепенно со временем, наверное... Может быть, через поколение, может быть, через два поколения наши юристы созреют...

А.А. КЛИШАС

То есть мы все равно к этому придем?

О.К. ЗАТЕЛЕПИН

Я не исключаю.

С МЕСТА

Я отмерил 15 лет, а Вы...

О.К. ЗАТЕЛЕПИН

Ну, может быть, 15. Во всяком случае, под лежащий камень вода не течет, и то, чем вы занимаетесь (публикуетесь — Александр Иванович, Вы и другие), это очень хорошо. Все мы эти работы читаем, в подсознание у нас загружается, начинаем размышлять, и это уже неплохо.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание, — такое внедрение англосаксонской модели бескомпромиссное вряд ли у нас пройдет. И опыт показывает, что эти модели англосаксонские тяжело у нас приживаются, у нас другой менталитет, другая культура правовая. Надо искать компромиссы.

Я посмотрел публикации, не читал первоисточники. Совсем недавно в Швейцарии установили ответственность (вы, наверное, знаете). Там, наверное, тоже наши коллеги никак не могли принять термин "вина юридического лица". Так они нашли замену этому термину. В переводе так звучит: надо суду установить неорганизованность юридического лица (вместо термина "вина"). То есть это означает, что надо установить суду, что юридическое лицо не выполнило все возложенные на него обязанности по контролю за своими управленцами и так далее. Уже немножко мягче звучит, уже какой-то компромисс.

Финский опыт мне тоже понравился. Там прокурор определяет, надо ли дополнительно привлекать к ответственности юридическое лицо, исходя из фактических обстоятельств, или

достаточно привлечь руководителя, причем там только штрафом ограничивается.

Поэтому надо в этом направлении работать. И исследования показывают, что у нас есть и кандидатские, и докторские диссертации, и монографии. Надо внимательно изучать опыт и искать компромисс. В таком виде, англосаксонском, мне кажется, это бесперспективно, даже через 15 и 20 лет. Это первое.

Второе, на что мы обратили внимание в нашем отзыве, — на наш взгляд, на сегодняшний день (и это звучало в выступлениях всех: и адвокатов, и представителей Генеральной прокуратуры) у нас есть инструментарий — административный, гражданско-правовой, — который, на наш взгляд, еще не задействован.

И, конечно, в пояснительной записке эти вопросы не исследованы достаточным образом.

Я приведу пример. Статья 19.28 Кодекса об административных правонарушениях, о которой говорили, которая у нас появилась в 2008 году, кстати, получила положительный отзыв специалистов ГРЕКО, экспертов, которые работали, они это оценили все-таки как положительный шаг Российской Федерации — установление этой уголовной ответственности. И, таким образом, у нас сформировалась модель (она в принципе правильно в статье Александра Ивановича Бастрыкина называется) — "квазиуголовная ответственность юридических лиц". Такая модель у нас сейчас есть. Это, может быть, шаг в продвижении, но эту модель надо развивать.

Что мы имеем с этой статьей? Во-первых, она, конечно, начиналась с нулевой цифры, но в прошлом году 244 юридических лица были привлечены к административной ответственности за эти коррупционные преступления. Много это или мало? Немало, наверное. Совокупный штраф составляет свыше 517 млн. рублей. В

2013 году — 166, то есть значительный прирост по сравнению с 2013 годом, и штраф был 228 млн. рублей.

Но какая проблема существует? Исполняемость этих штрафов. Если в 2013 году 39 процентов исполнено юридическими лицами, в 2014 году — только 5.

Если у нас нет механизма, как исполнять эти штрафы в административной процедуре, почему мы думаем, что они у нас заработают в уголовной процедуре? Здесь надо провести исследования правильно, как отметил представитель Российского государственного университета правосудия, посмотреть внимательно, выяснить слабые, сильные стороны, почему этот институт пробуксовывает. И в тех случаях, когда мы приходим к мнению, что все, что могли, мы сделали применительно к административной ответственности, но не работает (вот на 500 миллионов — 1 миллиард штрафует, а все равно совершают преступления), тогда, видимо, еще можно ставить вопрос и об уголовной ответственности.

А вот по этим 39 статьям (я тоже посчитал)... В совокупности в прошлом году физических лиц (сейчас у нас юридических лиц нет) привлечено было 6400 человек по всем 39 статьям, причем из них 4700 — за дачу взятки (это статья 291). На все остальное приходится мизер. По многим статьям — ноль. Если мы сейчас не можем привлечь к ответственности физических лиц (я не знаю, либо не можем привлечь, либо просто там не совершаются преступления), каким образом мы будем бороться с юридическими лицами в тех или иных сферах? Значит надо посмотреть: либо эти нормы не работают, потому что они "мертвые", потому что нет таких правонарушений; либо они сложно доказываются, сложно устанавливаются признаки состава преступления. Если они сложно работают в отношении физических лиц, большие сомнения, что они эффективно

заработают в отношении юридических лиц (путем добавления в эти статьи, там, частей 3 и 4). Поэтому, мне кажется, здесь правильно все обращали внимание, что надо продолжать исследовать эту тему, но уже перейти немножечко на другой уровень.

То, что вы нам сегодня рассказали, ваши публикации — это уже хорошо известно. Надо уже включать другой инструментарий и приводить другие аргументы, заниматься исследованием, но с точки зрения эффективности действующих норм и поиска компромисса, возможного компромисса в установлении, и все-таки признания, что определенная модель у нас есть, и надо просто посмотреть, как эта модель работает.

А так, в общем-то, я выражаю большую благодарность организаторам. Тема очень интересная, интересные выступления.

В завершение я просто прокомментирую здесь некоторые высказывания по поводу оправдательных приговоров, если возможно. *(Оживление в зале.)* Да, действительно, это 4 процента, уважаемые коллеги. Действительно, это 4 процента. Может быть, покажется, что это мало или много. Но посмотрите на такие показатели: всего осуждено в прошлом году 740 тысяч человек, из них 230 тысяч (это 23 процента) освобождены по разным основаниям от уголовной ответственности, в том числе сюда входят и те лица, в отношении которых были вынесены оправдательные приговоры. В целом этот показатель, если говорить о других странах, вполне сопоставимый. У нас ведь немного другой механизм, у нас есть фильтр (прокуратура) определенный, поэтому я думаю, что здесь все-таки взвешенные показатели.

Теперь в отношении предпринимателей. В прошлом году к ответственности были привлечены всего (можно сказать "всего", я не знаю) 1700 человек, осуществляющих предпринимательскую

деятельность, из них 1100 человек привлечены за мошеннические преступления — хищения у своих партнеров, коллег, у государственных структур. Много это или мало? Мне кажется, здесь разумный предел.

Что касается меры пресечения в отношении лиц, совершивших преступления в этой сфере (часть 1 статьи 108, о которой упоминали), то в прошлом году эта мера применена в отношении 50 человек, а в отношении 39 или 44 процентов было отказано. Много это или мало? В общем-то, на ваше усмотрение.

Мне кажется, какой-то здравый баланс между репрессиями и необходимостью развивать эту экономическую сферу все-таки существует. Спасибо за внимание.

А.А. КЛИШАС

Спасибо.

Георгий Константинович, хотите что-то в завершение сказать? Пожалуйста.

И потом у нас Константин Эдуардович планировал.

Г.К. СМИРНОВ

Давайте по пунктам.

Первое. Здесь предлагалось усовершенствовать процедуру административного судопроизводства. Если доводить эту процедуру до международных стандартов защиты прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве, как этого требует международное сообщество, то в принципе эта процедура ничем фактически по своей громоздкости не будет отличаться от уголовного процесса. Да, санкции в настоящее время жесткие, они отождествляются международными судебными инстанциями как уголовно-правовые, но, соответственно, требования и процедуры должны быть. Если же этого не сделать, как сейчас административное судопроизводство осуществляется в

упрощенном режиме, то просто нам будут опять выносить эти решения о нарушении прав юридических лиц на защиту. Ведь как сейчас строится процесс? Выносится приговор физическому лицу, далее прокуратура использует его в суде, а в суде уже фактически вина признана, и юридическое лицо не может доказать свою невиновность. Как оно может доказать вопреки вступившему в силу приговору суда, устанавливающему факт совершения преступления? То есть здесь возникают большие сложности.

Второй вопрос — об общественной опасности. В принципе и Конституционный Суд много раз говорил в своих решениях о том, что участие юридического лица в преступном событии повышает общественную опасность. И у нас получается, что применительно к тем действиям, которые совершило физическое лицо, это преступление, а к тем, которые совершило юридическое лицо, — это неопасное административное правонарушение. То есть здесь тоже противоречие.

Теперь к вопросам о том, пострадают ли сотрудники или учредители (участники) юридического лица. Сотрудники, естественно, при этом не пострадают, а наемным работникам гарантированы в том числе трудовые права, им будет выплачиваться зарплата. И вопрос: нужно ли нам, чтобы наемные лица работали на организации, совершающие преступления? Естественно, не нужно. Они уволятся, получат свои увольнительные пособия и перейдут в нормальную компанию, которая будет осуществлять законную деятельность.

Применительно к учредителям (участникам)... Здесь говорилось о том, как быть, если, например, акционеры 60 на 40 голосовали за принятие решения, которое в итоге привело к совершению преступления. Но те же 40 процентов... Сейчас как

происходит? Они видят, что в принципе это решение может повлечь за собой совершение преступления, но в результате которого компания получит прибыль. И если они будут знать, что на компанию в результате совершения этого преступления будет оказано уголовно-правовое воздействие, в том числе возможность и ликвидации, и серьезных штрафов, то есть так называемые контролирующие права акционеров, то есть они могут заявить косвенно иски о защите интересов компании, если фактически это решение не соответствует ее интересам. В конце концов если это миноритарный акционер, есть возможность так называемого голосования ногами, то есть выйти из состава учредителей (участников). То есть есть механизмы. Причем ведь инвесторы, да, они несут риски. Если ты купил акции, ты несешь риски, ты участвуешь и в управлении этой компанией, ты должен контролировать действия этой компании. То есть здесь мне кажется, что этот аргумент неубедительный.

Теперь к доктрине вины. В принципе даже существующая доктрина вины, которая определяет вину физического лица как психическое отношение к совершенному деянию, тоже не совсем точна. И об этом говорят многие ученые — о том, что все-таки психическое отношение — это очень широкая сфера, которая предполагает и эмоциональное отношение. С точки зрения эмоций, с точки зрения морали человек может как бы оправдывать, а с точки зрения того, что он осознает... Ведь здесь главное — как раз таки интеллектуальный элемент, не как лицо, совершая преступление, относится к нему эмоционально, а осознает ли оно общественную опасность самого деяния и последствий или нет. То есть здесь даже доктрина вины физического лица требует совершенствования. И в вопросах вины (многими отмечается) самое главное не психическое

отношение, не отношение психики к совершенному деянию, а именно интеллектуально-волевое, насколько субъект правонарушения интеллектуально способен (то есть это деликтоспособность) и может осознавать то, что это он совершает общественно опасное деяние.

И юридическое лицо (вопреки тому, что здесь было сказано, и корпоративные юристы исходят из этого) обладает все-таки своей волей, отличной от воли акционеров (участников), и оно обладает сознанием. То есть это хоть особое сознание, коллективное сознание, сознание общественное... Есть, кстати говоря, понятия сознания народа, нации, также сознания юридического лица, как коллективного субъекта. Оно не совершает какие-то там бессвязные действия, оно осознает и общественную опасность. Да, его воля, его сознание формируются через органы управления, это некий элемент коллективного принятия решения, но сознание и воля и у юридического лица присутствуют, а соответственно, и говорить о возможности его деликтоспособности, в том числе уголовно-правовой, вполне можно.

И здесь я, кстати, не услышал вопроса, как будут решаться проблемы с экстерриториальным преследованием юридических лиц. Все-таки потому, что зарубежные коллеги во многих случаях отказывают, ссылаясь на то, что "деяние у вас не криминализировано по признаку субъекта"...

И еще одно замечание, на которое я бы хотел ответить, — это то, о чем коллега мне говорил: нагрузка на следователя увеличится. Ведь в настоящее время следователь и так устанавливает признаки объективной стороны — это что было совершено (деяние), объекта, субъективной стороны и субъекта. В данном случае, как я уже сказал, следователь объективную сторону... то есть какими действиями

физического лица от имени юридического лица было совершено деяние — это уже в любом случае входит в предмет доказывания. Предмет доказывания расширится только за счет установления вины юридического лица, то, что оно не приняло должных мер для осуществления контроля за деятельностью своих лиц. И выписка из ЕГРЮЛ, обладает ли оно вообще правосубъектностью, являлось ли вообще это юридическое лицо...

А.А. КЛИШАС

Георгий Константинович, завершайте.

Г.К. СМИРНОВ

Поэтому никакого увеличения нагрузки здесь не усматривается. Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Спасибо Георгий Константинович.

Константин Эдуардович, пожалуйста, Вам пара минут. Потом я, наверное, попрошу Генри Марковича все-таки свое выступление повторить, я же пропустил в самом начале... *(Оживление в зале.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Коллеги, вы знаете, после выступления судьи Верховного Суда в принципе резюмировать и не надо, потому что я считаю, что это был наиболее точный, наверное, анализ сегодняшней нашей беседы.

Единственное, Георгий Константинович, что бы я Вам пожелал и в Вашем лице — уважаемому Александру Ивановичу... Вы действительно делаете правильное дело, вы не даете нашему юридическому, условно говоря, "болоту" тихо-тихо жить. Вы бросаете эти интересные юридические законодательные "камни", и идет эта некая дискуссия. Однако, понимаете, дискуссия касательно юридической ответственности юридических лиц идет, по-моему, уже несколько лет. И, к сожалению, сейчас, если оценивать даже

результаты нашей беседы, счет не в вашу пользу. И в этом большой минус. То есть все аргументы, которые сегодня были озвучены, условно говоря, и Вами, и Вашими оппонентами (так получилось) всем известны. То есть все понятно: нарушает доктрину, Конституцию, принципы уголовного права. Все ясно. Но вы, со своей стороны, не доказываете, то есть вы не приводите какие-то новые аргументы, вы не делаете более глубокий анализ. А вам надо доказать очень простые вещи — что действительно есть пробельность законодательства, что практический результат от вашего предложения принесет такое-то, такое-то благо. И в таком случае, мне кажется, это не вопрос отдельного законопроекта, условно, коллеги Ремезкова, понятно же, что это вы эту идею предлагаете *(оживление в зале)*, это вопрос вообще нового подхода к доктрине. И доктрину действительно можно развивать.

А.А. КЛИШАС

Конституционное право... Ваше предложение не нарушает Конституцию. Мы это не разбираем, в уголовном разбираемся... *(Оживление в зале.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Поэтому мое предложение к Вам: продолжайте эту дискуссию, она интересна, но находите новые аргументы и пытайтесь нас убедить, и тогда, возможно, действительно через поколение или через два поколения (как в кино — через три-четыре столетия, помните?) мы к чему-то и подойдем. Но в любом случае спасибо.

А.А. КЛИШАС

Генри Маркович, я все-таки настаиваю: пожалуйста, повторите все, что Вы сказали.

Г.М. РЕЗНИК

Минуты полторы... Знаете, мне приятно, что, как мне кажется, все-таки большинство выступавших сделали акцент на прагматике, не на теории. Почему? Потому что реальность такова, что есть классическая доктрина: субъект уголовной ответственности — только физическое лицо. Есть ответственность за вину, которая понимается...

Георгий Константинович, я не знаю, как психическое отношение... Психическое отношение — это есть вина. Умысел, неосторожность — все там есть. Там, извините меня, интеллектуальная составляющая, эмоциональная.

Но есть эта самая жизнь, между прочим. Мы же не можем не признать того, что такая ответственность введена в ряде государств, которые мы не без основания считаем передовыми и правовыми государствами. Потому акцент всегда в законодательстве должен делаться все-таки на комплексную, как совершенно правильно сказал представитель Верховного Суда, оценку ситуации. То, что у нас, у адвокатов, и у врачей принцип *non nocere* ("не навреди"), — это принцип законотворчества. И уголовная ответственность должна вводиться по принципу крайней необходимости, тогда, когда мы совершенно определенно убеждаемся в том, что иные виды ответственности не позволяют решить проблему. А что такое решить проблему? Мы, может быть, запишем, что у нас задача искоренения преступности, как было в 1961 году, когда к чертовой матери вообще порушили правоприменение уголовной ответственности?

Задача какая? В общем, никуда ничего не уйдет, извините меня, и преступления будут, и правонарушения будут. Но мы должны оценить ситуацию, насколько она нетерпима.

Абсолютно правильно судья Верховного Суда обратил внимание на статистику. Я тоже об этом сказал. В реальности у нас

из всей этой массы преступлений вообще-то присутствуют два состава, простите меня.

Поэтому, как мне думается, все-таки надо, я бы сказал, как-то более чутко относиться к состоянию общества и к реальному поведению тех людей, особенно в сфере экономики, которые вынуждены (предприниматели) прибегать к каким-то схемам, которые, представьте себе, вызывают у нас, может быть, какой-то такой привкус не очень... Надо отграничивать серые схемы от схем преступных. А у меня просто времени нет. Если бы было время, я просто показал бы те формулировки, которые предлагаются, которые, конечно же, безусловно, как принято говорить, коррупционные.

Поэтому, видимо, большинство все-таки пришло к выводу, что сейчас принятие такого законопроекта с ходу абсолютно неоправданно.

А дальше... Я тоже могу присоединиться к Константину Эдуардовичу, естественно, нужно будоражить сознание правоприменителей и законотворцев. И, конечно, повторяю, проблема эта, безусловно, не может быть объявлена как абсолютно (как правильно сказал Андрей Александрович) противоречащая каким-то основам Конституции и прочему. Да, нужно смотреть, смотреть за развитием вообще государства, за развитием бизнеса и, в общем, принимать, конечно, наиболее взвешенные решения, в которых издержки не должны превышать ту пользу, которую, возможно, введение новой нормы может принести. Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Уважаемые коллеги! Я тоже потрачу буквально две минуты вашего времени. Вы знаете, я, например, абсолютно убежден в том, что у юридического лица есть сознание. Абсолютно в этом убежден. Как профессор конституционного права, я знаю, что есть такой

субъект конституционного права, как народ. И, соответственно, у меня это не вызывает никаких сомнений.

Уважаемые коллеги, как только мы допустили административную ответственность юридических лиц...

Я согласен с Мариной Анатольевной, когда Вы сказали, Марина Анатольевна, что, возможно, это не совсем было корректно сделано, когда устанавливали административную ответственность. Но как только мы ее установили (я сейчас рассуждаю не как специалист по уголовному праву или по административному, а как специалист по конституционному праву), мы согласились с тем, что это может быть и уголовная ответственность, потому что для меня разницы между административным проступком и уголовным преступлением нет никакой, кроме степени общественной опасности, которая изменяется, и это, в общем, усмотрение законодателя — куда это отнести в данном случае.

Поэтому те предложения Следственного комитета, которые есть, я считаю (в отличие, может быть, от многих) очень серьезными. Я считаю, что действительно эти предложения, наверное, сейчас требуют какого-то дополнительного осмысления, проработки.

И я думаю, Олег Кимович, что мы, наверное, попросим так или иначе какое-то обобщение практики по тем же административным делам у Верховного Суда в ближайшем будущем. Обсудим обязательно это с Вячеславом Михайловичем, для того чтобы понять, как это более корректно, правильно сформулировать, чтобы действительно понять самое главное, то, что пока для меня остается вопросом неразрешенным, — это цель данного закона, цель регулирования. Вот если мы, исходя из материалов, которые есть в Верховном Суде, исходя из практики применения, понимаем, что без этого нельзя обойтись (здесь я абсолютно согласен с Генри

Марковичем: это должна быть некоторая крайняя мера уже — введение такой уголовной ответственности), тогда это необходимо, наверное, делать.

Но я повторю, что моя, во всяком случае, позиция... Олег Кимович абсолютно прав: есть диссертации, есть множество работ. Я с ними знакомлюсь, иногда не просто от скуки, а потому, что являюсь членом президиума ВАК и прекрасно знаю, какое количество научных публикаций есть по данной проблематике. И то, что делает Следственный комитет... Я знаю, например, позицию нашей кафедры Российского университета дружбы народов, где достаточно много этим вопросом занимались. Поэтому я считаю, что никаких теоретических препятствий, извините, уважаемые коллеги — специалисты по уголовному, по административному праву, нет. Извините, вы их придумываете. Вы их придумываете, когда не хотите согласиться с этой концепцией.

Это, безусловно, усмотрение законодателя, но законодатель здесь в первую очередь должен исходить из общественного запроса. Если такой общественный запрос на такого рода закон — о введении уголовной ответственности — существует... Мы же не можем просто исходя из неких теоретических конструкций, кто бы ни был автором этой конструкции — Генеральная прокуратура, Следственный комитет или, прошу прощения, уважаемый Верховный Суд, сразу же внедрять это в действующее законодательство. Вот если на это будет общественный запрос, а это выясняется, опять же, через анализ правоприменительной практики в первую очередь, тогда, наверное, это может быть реальностью в ближайшем будущем.

Я всем очень благодарен и считаю, что это очень важная тема. Нам это придется обсуждать в любом случае, у этих предложений есть основание, и теоретическая база у этих предложений есть.

У нас ведется стенограмма, мы не потеряем ничего из того, что сказали уважаемые участники нашего обсуждения.

Всем большое спасибо.
